

**История российского женского движения:
взгляд из сегодняшнего дня**

Горбачев-Фонд

Проект «Клуб Раисы Максимовны Горбачевой»

Выступления участников Круглого стола

10 июня 2025 года

Введение

О.М. Здравомыслова (Горбачев-Фонд).

Дорогие друзья! Почти все, кто сейчас присутствует в зале, и кто присоединился онлайн, знают друг друга лично или по публикациям. Как уже сложилось, Круглый стол мы ведем вместе с Надеждой Ажгихиной. Конечно, Надежда с давних времен член «Клуба Раисы Максимовны Горбачевой», но теперь она еще и подключила к нашим встречам сообщество писательниц и журналисток. Это, безусловно, радует.

Сегодняшним разговором мы заканчиваем сезон, который получился, по нынешним временам, весьма насыщенным. Первая встреча произошла в октябре, следующая - в марте. Сегодня третья встреча. И надо сказать, что мы держим высокий уровень дискуссии, постепенно набирая обороты.

Несколько слов о сегодняшней программе. После вступительного слова Надежды Ажгихиной - стимульное выступление Ирины Юкиной, историка из Санкт-Петербурга, автора книг об основных этапах развития российского женского движения.

Обсуждение после выступления Ирины мы решили построить вокруг темы «Традиции российского женского движения и их значение сегодня».

Н.И. Ажгихина (ПЭН — Москва)

Добрый день, дорогие коллеги, дорогие подруги, единомышленницы! Я очень рада, что мы снова встречаемся здесь в таком гибридном – оффлайн/онлайн - формате. Это уже стало традицией. И хочется верить, что мы будем продолжать наши встречи здесь, в «Клубе Раисы Максимовны», где всегда звучат новые идеи, встречаются старые знакомые, новые участники и партнеры.

Наш Клуб - это место обсуждения существенных вопросов. И то, что сегодня мы имеем счастье познакомиться с книгой об истории российского женского движения, мне кажется, очень важно. Мне кажется важно то, что здесь мы оттачиваем некоторые формулировки и уточняем представления о том, что происходило в недавней истории.

Наши последние встречи в Клубе идут по нарастающей. Мы обнаруживаем скрытые подчас от поверхностного наблюдателя пружины времени, которое мы прожили, которое большинство из нас хорошо помнят, в котором были открытия и ошибки, иллюзии и надежды. Наверное, сейчас самое время в них разобраться, потому что это имеет значение не только для нашей собственной истории, практики, для нашей академической работы и нашей работы в публичном пространстве. Мне кажется, это имеет более широкое значение. Поэтому мы планируем в будущем публикации по результатам наших обсуждений, которые, я уверена, заинтересуют читателей. Надеюсь, что и сегодня мы услышим много нового и интересного. Это даст пищу для ума и для последующего поиска.

Тема: Долгая традиция российского женского движения

«У нас есть традиция женского движения, которое многого добилось, есть замечательные предшественницы, которые сделали для нас, нынешних, очень многое. И мы продолжаем эту традицию».

И.И. Юкина (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург).

Хочу поблагодарить Горбачев-Фонд за возможность увидеть всех вас и обсудить тему истории российского женского движения. Полностью согласна с тем, что только что сказала Надежда Ажгихина: пришло время размышлять - время думать о том, что было сделано, что еще не сделано, и что надо делать сейчас.

Сначала уточню: мои книги «Русский феминизм как вызов современности» (издательство «Алетейя», 2007 г.) и «От дам-патронесс до женотделовок. История женского движения России» (издательство НЛЮ, 2024 г.) – это два издания одной и той же книги, хотя второе достаточно существенно изменено. Главным образом, изменения касаются структуры книги. Мне повезло с редактором, которая очень вдумчиво прочитала текст, и я поняла, что она во многом права в своих замечаниях. В результате структура книги стала более ясной, в тексте были убраны повторы, сокращены длинноты, уточнены сноски.

Что очень важно для исторической работы, - а моя книга все-таки историческое исследование, хотя методологическая подкладка у него, конечно, социологическая – это включение теории общественных движений. Здесь я должна поблагодарить Елену Здравомыслову, потому что ее монография «Парадигмы западной социологии общественных движений» (1993г.) развернула меня как исследовательницу в этом направлении.

Еще один важный момент: за годы, прошедшие с выхода первого издания моей книги, исследования женской истории, можно сказать, встали на ноги. В 2007 г (когда вышла книга «Российский феминизм как вызов»). было ощущение, что я иду по белому заснеженному полю, что мне не на кого опереться, кроме Григория Алексеевича Тишкина, Элеоноры Александровны Павлюченко и Ричарда Стайтса... А сейчас появилось много имен историков и социологов, много нового материала. И кое-что из этого я дочитала и включила во второе издание.

К сожалению, в нем в отличие от первого издания, нет фотографий. Для меня фотография – это не только исторический источник, но визуальный ряд времени, которое мы не застали. Мы не можем представить себе, как в действительности выглядели лица людей, их одежда, интерьеры. Или какими были плакаты женских организаций, сообщения о митингах, встречах и т.д. Что особенно важно: фотография – это зафиксированный исторический факт. Потому что, когда я начала свои исследования, то раскопала факты, которые противоречили официальной позиции. Например, утверждалось, что советская власть дала женщинам все. Такая была установка. И вдруг открылось, что избирательные права женщины не «получили», а буквально вырвали из рук Временного правительства... Когда я говорила об этом в первом своем выступлении на академической конференции, это вызывало агрессивную реакцию у достаточно пожилого, мужского исторического сообщества. Да и сама тема «женская история» тоже звучала тогда достаточно провокационно. Поэтому такой источник как фотографии являлись подтверждением того, что я все это не выдумала.

90-е годы XX века были очень болезненными для российской исторической науки. Тогда начались массовыми тиражами публикации о белых пятнах в нашей истории. Имена Сталина, Троцкого, Коллонтай и других деятелей стали центром в том, что я называю «историческими желтыми исследованиями» - их, как правило, проводили профаны, непрофессионалы. Поэтому настороженность и скепсис академического исторического сообщества в отношении сообщений о новых фактах и открытиях можно понять.

Хотя надо иметь в виду, что были западные исследования о российском женском движении. Но большинство представителей старшего поколения отечественных историков не знали языков и никогда не читали этих источников. Поэтому, когда я пыталась вписаться в историческую академическую среду, моя тема воспринималась негативно.

Помню реакцию моего научного руководителя Игоря Анатольевича Голосенко (1938—2001), историка русской социологии. Он мне сказал: историки тебя завалят, давай поворачивай свою тему в социологическое русло. (тогда я как раз получила второе образование - социологическое)

Хочу привлечь внимание к вопросу, почему российское женское движение не было описано в отечественной исторической науке целиком, а было исследовано только какими-то лакунами, представлено отдельными темами.

Так, Григорий Алексеевич Тишкин, которого я уже упоминала, исследовал женский вопрос в России периода 50-60-х годов XIX века. Элеонора Александровна Павлюченко опубликовала работу «Женщины в русском освободительном движении: от Марии Волконской до Веры Фигнер». Есть множество работ о Бестужевских курсах¹.

Я вижу три причины, почему тема была исследована фрагментарно. Первая – идеологическая причина. Вторая – методологическая. И третья – отсутствие современного женского движения, которое выступило бы заказчиком таких исторических исследований, было бы в них реально заинтересовано.

Конечно, первым был идеологический барьер. Потому что, как я уже говорила, считалось, что советская власть дала женщинам права, в том числе политические, и обеспечила равенство. Этому противоречило исследование, в котором утверждалось, что, во-первых, *не большевики, а Временное правительство* дало политические права женщинам; во-вторых, что Временное правительство не *даровало* права женщинам, а *вынуждено* было их дать, то есть пошло на уступку под давлением сильного женского движения - суфражистского движения, «равноправок». Это, конечно,

¹ Высшие женские курсы в Санкт-Петербурге в 1878—1918 годах. Одно из первых женских высших учебных заведений в России. Бестужевские курсы предоставляли женщинам более широкий доступ к высшему образованию, чем Смольный институт, учрежденный по указу Екатерины Второй в 1764 году, и сыграли важную роль в развитии женского образования в России.

вступало в противоречие с идеологическими догмами в отношении женского вопроса, поэтому в советское время об этом нельзя было писать.

Исторически дело было так: в апреле 1917-го выходит постановление Временного правительства, согласно которому женщины уже могут баллотироваться на выборах в городскую Думу. 20 июля 1917-го выходит официальное положение о выборах в Учредительное собрание, в которых женщины могут участвовать на равных с мужчинами. Это право избирать и быть избранными вступает в действие с 11 сентября 1917-го. А 25 октября 1917 года происходит большевистская революция. То есть время спрессовалось. Поэтому было очень легко заявить, что все права женщинам дала партия большевиков. А по сути, в 1917 году победу у равноправов украли - большевики перехватили их повестку.

Вторая причина того, почему история женского движения замалчивалась исследователями, - более существенная. Это связано с тем, что в СССР единственной теоретической базой социальных исследований признавалась марксистско-ленинская теория, в частности теория классовой борьбы, - но это не работает в случае с женским движением. Потому что ничего кроме оппозиции «передовых работниц» - «не-передовым буржуазкам» теория классовой борьбы в данном вопросе не объясняет, а исследования, проводившиеся в Советской России в 20-30-е годы, очень быстро прекратились. Что же касается теорий и исследований, развивавшихся на Западе, их плохо знали в СССР: «железный занавес» реально существовал.

Когда я пришла в постсоветское женское движение 90-х годов, то поняла, что а) мне интересно эту тему исследовать и б) ее надо исследовать. Я вспомнила, что я историк, а когда начала реально заниматься исследованиями, уже упомянутая мной монография Елены Здравомысловой об общественных движениях дала мне методологическую базу и источники,

на которые я могла опереться. Я вспомнила, что я еще и социолог. И сидя на этих двух стульях – история и социология, я начала работать.

Не могу не сказать о тогдашних установках в отношении отечественного женского движения. Они были следующие: а) феминизма в России не существовало; б) было женское движение и замечательные женщины, которые добились кое-каких прав для женщин, в частности в сфере образования, здравоохранения (женщин-врачей и учителей действительно много было и на эту тему было немало написано); многие женщины участвовали в революции (цитировали слова Ленина: «без вас [женщин] мы бы не победили»).

В таком, примерно, состоянии это у нас пребывало, пока не началась перестройка и не стало – уже в 90-е годы - возрождаться женское движение. Проблемы, которые неожиданно встали перед советскими женщинами в конце 80ых – в 90ые, - это и безработица, и материальные трудности вплоть до голода в некоторых регионах, и разрушение привычных представлений, стереотипов. Но на основе гласности и демократизации в перестройку стало возрождаться женское движение, которое позже, в 90-х годах, очень часто было связано с борьбой за выживание..

Когда я пришла в женское движение, у меня было ощущение, что у него нет корней. Феминистки воспринимались как прозападное влияние. Тогда я и обратилась к истории, истокам отечественного женского движения – к архивам. И выяснилось, например, что *феминизмом первой волны* называли борьбу за женские права, если речь шла об англосаксонских странах, а если речь шла о российских женских организациях, приверженных той же идеологии, с тем же типом лидерства и схожими акциями, - это называлось *женским движением*.

Изучая источники, я пришла к выводу, что мы живем в стране победившего феминизма первой волны. Что все те проблемы, которые были им поставлены еще до революции, - проблемы женской занятости,

образования, репродуктивных прав, политических прав, - в той или иной степени достигнуты.

И когда читаешь те дореволюционные статьи, переписку в женских журналах, стенограммы заседаний женских организаций, то видишь, какая колоссальная работа была проведена. Поэтому у меня был мотивирующий момент –отдать им должное. Восстановить справедливость. Уже тогда хотелось сказать об этом своим коллегам – и я по мере сил и возможностей говорила в выступлениях на конференциях: никто нам ничего не «давал». *У нас есть традиция женского движения, которое многого добилось. У нас есть замечательные предшественницы, которые сделали для нас, нынешних, очень многое. И мы продолжаем эту традицию.* Для меня это было очень важно.

Я думаю, понятно, почему первое название моей книги - «Русский феминизм как вызов современности». В этом выразилось мое желание сказать: *был русский феминизм.* Хотя, уже тогда я прекрасно понимала, что с научной точки зрения это не совсем точное название. *И я разделила большой период - порядка 70ти лет - существования российского женского движения на два этапа: первый - женское движение, второй этап – феминистское движение.*

Для меня женское движение – это движение женщин, которые обращаются к женщинам как к своей естественной аудитории, помогают решать насущные проблемы женщин, но не посягают на устройство гендерной системы, не переосмысляют гендерные роли и сложившийся гендерный порядок. В то время как феминистское движение – идеологическое, оно разрабатывает теорию, которая позволяет анализировать гендерные отношения и причины гендерного неравенства. В то же время и женское, и феминистское движение - проявление социальной активности женщин.

Я уже тогда понимала, что в понятии «русский феминизм», традиционно объединяют и даже ставят знак равенства между женским и феминистским движением в России. И чтобы уйти от этого смешения, я сразу согласилась, когда в ходе подготовки второго издания книги издательство предложило мне название: «От дам-патронесс до женотделовок». Это исторически и научно более точно, чем название первого издания.

Задают вопрос: *каковы особенности российского женского движения и российского феминизма?* Принципиальных отличий от западных аналогов я не вижу. Кроме особенностей, которые обусловлены культурно-историческим контекстом, что, конечно, естественно. Но когда мы говорим о «западном феминизме», то тоже очень сильно обобщаем. В Германии были свои особенности, во Франции - свои, в Британии, в США тоже были особенности. Я говорю в данном случае о феминизме первой волны.²

В период с середины XIX века до начала XX века особенностью России было то, что избирательных прав не имели ни мужчины, ни женщины. И это равенство в бесправии очень способствовало тому, что многие интеллигентные, образованные мужчины были чувствительны к требованиям, которые выдвигали отдельные женщины и возникающие женские организации.

Так было до 1905 года. Потому что, когда в начале XX века был поставлен вопрос об избирательных правах и когда женщины в России заявили о том, что они претендуют на равные с мужчинами права, то очень многие политические деятели - даже самого либерального толка, как например, лидер кадетской партии Павел Николаевич Милюков, - продолжали считать, что сначала избирательные права должны получить мужчины, ну, а потом будет видно, нужно ли это женщинам...

² Первая волна феминизма — период социальной мысли в XIX и начале XX века в Европе и США. Основное внимание уделялось правовым вопросам, прежде всего обеспечению права женщин голосовать

Хочу подчеркнуть: сравнение деятельности феминисток первой волны в России и других странах показывает, что российские участницы движения демонстрировали очень высокий интеллектуальный уровень. Об этом свидетельствуют их статьи и выступления. Поэтому можно с полным основанием сделать вывод, что *русский феминизм – это городское, интеллектуальное, элитарное движение.*

Вопрос (А.А. Темкина). Понятен главный месседж, который был сформулирован в первом издании в 2007 году, - о том, что феминизм в России был. Это и тогда, и теперь очень важно. Потому что традиционно акцент был (и в наших работах в том числе) на глобальном, скорее, синхроническом, чем диахроническом подходе. А сегодня появилось какое-то другое измерение? То есть, что в России феминизм был, и он воспроизвелся в 90-е годы.

И что это означает, глядя из сегодняшнего дня? Что позже он исчез? Где место феминизма сейчас, существует ли связь с предыдущим, где она прерывается? Есть в книге какой-нибудь месседж в связи с этим?

И.И. Юкина. Могу высказать свое мнение, которое нигде, ни в каких моих статьях, монографиях не высказано: мы очень быстро привыкаем к тому, что получаем. Так, мы очень быстро привыкли к правам и возможностям, которые нам обеспечил феминизм первой волны. Это право на образование, передвижение, равные права супругов на детей, право на репродуктивный выбор и т.д. Это вошло в массовое сознание, стало основой того, как мы живем, - мы уже не раздумываем над такими вопросами.

Полагаю, что в 90-е годы в Россию пришел феминизм второй волны³ который начинается с «горячего мая 68-го года», со студенческих волнений во Франции, Германии. К нам он пришел в 90-е годы.

³ Феминизм второй волны - период развития феминизма с 1960-х до начала 1990-х годов. На этом этапе рассматривался широкий спектр проблем неравенства, сексуальности, семьи, репродуктивных прав

Первая волна женского движения и феминизма ставила и решала вопрос «дайте нам права по закону». Права дали, мы их освоили, в условиях советской идеологии перестали замечать, что нарушение прав продолжается, хотя в более изощренной форме. Вторая волна женского движения в 90-е годы это обнаружила. Вспомним, какие тогда были поставлены вопросы: женская бедность и безработица, двойная-тройная нагрузка женщин, впервые поднятая тема домашнего насилия (в результате появились первые шелтеры, первые горячие линии); так называемые запрещенные профессии (помните: судебные разбирательства – может ли быть женщина машинистом электропоезда в метро...). Одновременно появилась тема сексизма, начались гендерные исследования и гендерное просвещение.

Мы как бы прыгнули на новый уровень понимания проблем. Хочу сделать акцент на том, что в 90-е годы было сделано очень много. А сегодня многое из того, о чем тогда говорили и писали, стало нормой жизни. Я считаю, что это - эволюционное развитие женского движения. Сегодня оно продолжается. Например, очень важным направлением женских исследований стало женское здоровье. По-прежнему остается в повестке тема торговли людьми. Существует женская молодежная среда, дискуссионные клубы и социальные сети, в которых обсуждаются старые и новые вопросы, важные для молодых женщин. Этот процесс невозможно остановить.

Вопрос (К. Сагиева). Можно ли сказать, что даже при отсутствии понятия «феминизм» развивается движение за равноправие? Что оно развивается в молодых поколениях девушек, которые его поддерживают. А что происходило с того времени, когда слово «феминизм» в СССР отменили (после революции, когда его отменили как буржуазное проявление), до того времени (в 90ые годы в России), когда оно появилось снова? Можно ли сказать, что равноправие в советский период все-таки укреплялось,

развивалось и т.д.? Было ли равноправие было при отмене слова «феминизм»?

И.И. Юкина. Я бы так ответила: то, что наработали русские феминистки, которые уже в XX веке сами себя называли «равноправки», почти все было перехвачено советской властью и стало ее повесткой. То есть вы требуете равных прав по труду? - Пожалуйста. Не вопрос. Это входит в марксистско-ленинское обоснование нового социалистического, потом коммунистического, конечно, общества. Право на деторождение? - С большим трудом, но аборты были легализованы. Наша страна первая легализовала медицинский аборт по желанию женщины – это произошло в 1920 году. То есть формально почти все было достигнуто, оформлено.

Вопрос (К. Сагиева). Но женский вклад в эти достижения нивелируется, и государство берет все в свои руки?

И.И. Юкина. Не совсем так. Женщин-работниц, женщин-героинь воспевали. При этом неравноправие женщин стало более изощренным. Потому что, с одной стороны, женщина имела право на трудовую занятость и она много работала вне дома. И требования к ней как матери, работнице и общественнице соединялись и становились непосильными. То есть получалось, что женщины находятся под двойной, тройной нагрузкой.

Комментарий (К. Сагиева). Слово «равноправство», мне кажется, надо брать сегодня на вооружение. Вместо слова «феминизм», надо использовать наше российское слово «равноправство».

И.И. Юкина. Почему нет?!

«Мы не столько движемся вперед, сколько кружимся, возвращаемся - шаг назад, потом шаг вперед»

Е.Ю. Рождественская, НИУ «Высшая школа экономики» . Во-первых, насколько мы можем принять версию эволюционного решения женского вопроса в нашей стране? Все-таки был колоссальный разрыв,

произошел перехват феминистской повестки и лишение ее авторов субъектности, потом, в 90-е, – возрождение повестки, но без ее исторических корней. Каждое поколение фактически переписывает открывающийся в горизонте повседневности набор бесправий и начинает заново.

Я вспоминаю конференцию в Йокогаме, где Ирина Жеребкина выступила с тезисом, что каждое поколение будет занято тем, чтобы открыть для себя феминизм заново. Хотя кажется: откройте книжки, возьмите их с полки. То есть *мы не столько движемся вперед, сколько кружимся, возвращаемся - шаг назад, потом шаг вперед*. И, тогда о какой эволюции идет речь? Это первый вопрос.

Второй вопрос – он меня занимает уже некоторое время. У меня нет готовых ответов. Но я смотрю из сегодняшнего дня - и в сравнении с бывшими советскими республиками, с восточным поясом этих республик - на *удивительное сращивание феминистского сюжета и национального вопроса*. Это то, чего у нас не раньше было. Это то, чего не было у равноправов, и то, что не было принято в национально - имперском характере Советского Союза, в советское время. И этого поворота не было у феминисток 90-х. То есть не было соединения национального вопроса и вопроса о правах женщин – это казалось немислимо в рамках тогдашней идеологии.

Сейчас мы видим примеры, как *на окраинах бывшего Советского Союза расцветает цветок на стыке феминизма и национализма*. В процессе своего национального возрождения, национальное строительство подхватывает, рекрутирует нацеленные на возрождение активные социальные группы, среди которых и феминистки. У нас этого не было и нет. В этом наше отличие... Скажем так: в репертуаре активности 90-х мы этого сюжета вообще не видим. Фактически мы через этот сюжет знакомимся с постколониальным дискурсом, как с чем-то, что вообще не садится на нашу почву, не укореняется.

Ответов у меня нет. Но, может быть, у вас, Ирина, есть какие-то свои соображения?

И.И. Юкина. По первому вопросу – о том, что каждое поколение открывает свой феминизм. Здесь встает тема популяризации. Для меня это очень актуальная тема. Потому что я уже давно озабочена тем, что сидишь месяц, условно говоря, ломаешь голову над статьей, исследуешь архивные материалы, то есть прилагаешь колоссальные усилия, - а твою статью прочитают сто человек. То есть приложенные усилия неадекватны отдаче, которую получаешь. Поэтому для меня сейчас самая актуальная тема – популяризация и через нее выход в массовую культуру. Поэтому я всячески приветствую, когда появляется такая книга, как [«Бестужевки: первый женский университет»](#), или [«комикс о женщинах, изменивших мир»](#) питерских авторов Анны Русиновой и Дмитрия Гусева, изданная в 2022 году. Это новая форма - донесение информации об истории российского женского движения в игровой форме. То есть это работа, которую надо делать, хотя это сложно, потому должен быть другой язык, другая подача. Писать популярно совсем не просто...

Второй вопрос был о связи феминизма и национализма. В России этого не было, но это было, например, в Финляндии. Финские женщины первые в Европе получили полные избирательные права. Это произошло в 1906 году. Когда на международных конференциях говоришь о том, что финские женщины из рук российского императора получили полные политические права, - это, как правило, вызывает шок, но это, тем не менее, правда. Николай II подписал этот Указ.

Русские равноправки очень активно изучали этот опыт. Для них это было актуально по понятным причинам. И как раз сила и возможность такого развития событий была и в соединении с национально-освободительным движением. Потому что национальное-движение Финляндии начала XX века

поддержало финских феминисток. У них была общая повестка, акции и финансирование.... В общем, это сработало.

А по поводу того, что сейчас можно наблюдать в бывших советских республиках, могу сказать, что здесь теория постколониализма работает отлично.

Комментарий (Н.И. Ажгихина). Ирина Юкина затронула очень важный вопрос о продвижении знаний об истории женского движения. Помнится, 15-20-25 лет назад мы активно издавали [журнал «Вы и мы»](#), который, кстати, сейчас оцифрован. Я недавно о нем рассказывала на конференции в РГГУ. Это все доступно, но это уже для специалистов.

Однако, если мы посмотрим последние отечественные сериалы, то мы увидим, что во многих из них встречаются сюжеты, связанные, например, с жестокостью в личных отношениях, в семье. Сценарии сериалов пишут в основном выпускницы Литературных институтов, факультетов журналистики, которые немного знакомы с дискуссиями по этой проблематике.

Думаю, имеет смысл организовать серию встреч с экспертами для писательниц и писателей, которые активно интересуются женской темой. Такие встречи можно было бы проводить на сайте [«Новые амазонки»](#), в гибридном (онлайн/офлайн) формате. Давайте, когда будет время, это обсудим.

И.И. Юкина. Надежда, спасибо за такое интересное предложение. Я же хочу добавить, что наш общий труд в 90-е – начале 2000-х, конечно, не пропал. Например, в одной из литературоведческих книг Павла Басинского я с изумлением увидела в списке литературы свою книгу о женском движении. Другой пример: когда телевидение показывает [цикл Владимира Мединского «Рассказы из русской истории»](#) и я слышу [рассказ о Екатерине II](#), могу подписаться под каждым словом. А когда Мединский говорит: «с гендерной

точки зрения», я думаю о том, что термин «гендер» вошел в язык, и он работает.

Поэтому нашу работу надо продолжать.

«Мы не можем в среде современных активисток женского движения договориться об основных понятиях и о том, как дальше действовать».

Анна Гордеева-Адамчук (студентка НИУ Высшая школа экономики по программе филология).

Мне интересна наша дискуссия. Я не могу назвать себя ученой, но мне хотелось бы дальше изучать современный литературный процесс с точки зрения гендерных исследований. Поэтому я сегодня здесь.

Я даже не могу сказать, что у меня есть именно вопрос, скорее, это тезис. Он не окончательно сформированный, но у меня как у исследовательницы, возникает несколько мыслей по ходу нашего обсуждения.

Первое. Прозвучала мысль о том, что каждое поколение переизобретает для себя женское движение, феминизм и т.д. Получается, что как будто бы исследовательская, научная деятельность сталкивается с тем, что у нее нет аудитории. То есть, что у исследователей не очень получается выйти к массовому читателю или слушателю.

Мое взросление пришлось на то время, когда гендерные темы были уже довольно гласными и встречались почти везде. И я бы сказала, что первое, довольно распространенное мнение состоит не в том, что феминизм переизобретается каждым поколением, а в том, что деятельницы женского движения никогда не видят при жизни плоды своих трудов. Получается, что предыдущая деятельность ложится на новую почву, и все, что делается сейчас, - даже если мы это обсуждаем - мы никогда не сможем в полной мере оценить и понять, услышали ли нас и изменилось ли что-то. Потому что,

скорее всего, это будет понятно только в следующем поколении либо даже через одно поколение. И дело не в том, что феминизм переизобретается заново, а в том, что мы не до конца осознаем, что то, к чему мы уже привыкли, считаем нормой, было сделано не нами, а до нас, и что мы можем действовать в этих обстоятельствах только потому, что уже кто-то был раньше нас.

Второе. О том, чтобы выйти в массы. Это не очень хорошая формулировка, но понятная, тем не менее. Мне кажется, что есть очень большая проблема, по сути, женских прав. Потому что как бы сильно мы ни стремились выйти в массы, мы не можем предложить людям ничего действенного, кроме знания, - например, о теме домашнего насилия. Да, теперь для нас эта тема нормализована. Но нормализовать – не конечная цель. *Цель – добиться, чтобы не просто узнали, а с этим знанием еще что-то сделали.*

Попытки популяризации нового знания как правило сталкиваются с реальностью - с мышлением, которое исходит из других оснований, глубоко укорененных. *Популяризация сталкивается с тем, что невозможно сделать знание и популярным. и действенным.* И тогда возникает ощущение, что ничего как будто бы не сделано.

Кажется, современное восприятие движения за права женщин сталкивается с тем, что каждый по-своему понимает, о чем идет речь. *Тенденция последнего десятилетия состоит в том, что невозможно договориться, что такое феминизм.* Потому что есть радикальный феминизм, который многих смущает и отталкивает. Есть интерсекциональный феминизм, который говорит, что нужно рассматривать проблему неравноправия не только с точки зрения гендера, а включать и другие измерения (возраст, расу и т.д.) - но тогда это не совсем уже движение за права женщин, а движение за права всех дискриминируемых.

Получается, что нет общности, то есть нельзя договориться, что именно мы популяризируем. Мы снова в эту точку упираемся: мы не можем в среде современных активисток движения договориться об основных понятиях и о том, как дальше действовать.

Я предполагаю, что никто точный ответ не даст. Это, скорее, тезис, но мне бы хотелось, чтобы он прозвучал в нашем обсуждении.

О.М. Здравомыслова. Благодарю вас, Анна, за выступление, которое содержало в себе целую серию вопросов. Причем вы затронули действительно важные вопросы, которые волновали и предыдущие поколения исследователей.

То, что вы сказали, это действительно прямое доказательство, что ничто не пропадает, что этот язык, дискурс осваивается в каждом следующем поколении.

«Женщины – политики чаще, чем мужчины-политики склонны защищать права всех».

О.В. Радаева (Гендерная фракция партии «Яблоко»).

Хотелось бы, во-первых, поблагодарить предыдущую выступающую, Анну, за ее комментарии и вопросы - это были многоплановые вопросы. Прежде всего, скажу, что всегда очень приятно встречаться с молодым поколением – людьми образованными, прогрессивными. Это доказательство, что все было не зря. Потому что идеи, о которых говорила Анна, как-то естественно восприняты людьми ее поколения. И они готовы идти дальше, они через себя пропускают эти идеи и хотят продвигаться вперед. Как бы ни называть женское движение – феминизм или движение за равноправие, - но молодые могут продвинуться на этом пути.

Наблюдая образованный класс молодежи, которая приходит в «Яблоко», могу сказать: они впечатляют. Потому что идея равноправия

впитана ими с молоком матери. Они впитали то, что было наработано предыдущим поколением.

Какие-то уничижительные фразы, глупые шуточки по отношению к женщинам, распространенные еще в 90-х даже среди интеллигенции, для них просто невозможны. Я горжусь тем, что это невозможно в партии «Яблоко», в которой я состою.

На вопрос, который был поставлен - о типах, видах феминизма - я бы ответила так: не надо стремиться свести все разнообразие к чему-то одному, унифицировать все. И либерализм как идеологическое течение, и феминизм - многогранны. Люди, которые приходят в эти движения, занимаются тем, что им ближе. Кому-то ближе защита трудовых прав, кому-то – медицинские проблемы, кому-то – проблемы, связанные с материнством и семьей и т.д.. Это, в общем-то, хорошо. И, наверное, все так или иначе находят свою аудиторию.

Если обратиться к опыту партии «Яблоко» в этом вопросе, то наша гендерная фракция стала активной с 2002 года: сначала это была протофракция, а с 2008 года – уже полноценная партийная фракция. В ней объединились люди, которые считают, что необходимо защищать права женщин и продвигать женщин в политике. Мы считаем, что в любом случае активизм, неподдельный активизм, все равно выльется в политику - если человек знает, что он будет бороться за идею, но у него нет другого выхода. Потому что политика – это конструкция, которая придумана в ходе эволюции человеческого общества для того, чтобы люди не пожирали, не убивали друг друга.

Что касается политики в женском вопросе, то в мире во многих партиях или при партиях есть сильные женские организации, которые занимаются продвижением женщин. Это на самом деле важно, поскольку до сих пор практически во всех странах, за исключением, наверное, только Дании, женщин в политике существенно меньше, чем мужчин. Хорошо, когда 30

процентов женщин и процентов 60-70 мужчин. Но, к сожалению, даже это не всегда достижимо.

Партия «Яблоко» выступает за то, чтобы повысить процент женщин в политике до некоего идеала - 50 на 50. Ведь известно: когда в политику приходят 20 процентов женщин, то начинают говорить о правах детей и о том, что надо сделать, чтобы семьям жилось лучше в стране. Когда 30 процентов женщин в политике, то уже говорят о правах женщин.

Нынешнему молодому поколению, что называется, флаг в руки. На это поколение мы возлагаем большие надежды. Если привести молодым какие-то хорошие примеры для подражания, то могу назвать правозащитницу Ольгу Штанникову, которая является главой фракции партии «Яблоко» в Законодательном собрании Петербурга. А в Законодательном собрании в Карелии действует Эмилия Слабунова, в Законодательном собрании Великого Новгорода - Анна Черепанова.

Надо сказать, что *женщины берут под защиту всех: и мужчин, и женщин, и детей. Они откликаются на все случаи проявления бесправия.* Мне кажется, женщины – политики даже чаще, чем мужчины-политики склонны защищать права всех.

«Движение в направлении здравого смысла и справедливости не пропадает даром».

Н.И.Ажгихина.

Было сказано о том, что сложно выйти к широкой общественности. Хочу рассказать о собственном опыте. Много лет назад я работала в газете «Комсомольская правда». Она была совершенно другая, чем сейчас, имела тираж 17 миллионов экземпляров. Это было позднее советское время. Все мечтали о том, что у нас будет другая жизнь.

В те годы мои замечательные учителя – великие советские журналисты – говорили о том, что женщина должна всегда оставаться женщиной. А в

СССР была квота на представительство женщин в партийных и государственных органах – 30 процентов, то есть у нас было формальное равноправие. Оно все чаще раздражало, вызывало оскороину: тех женщин с одинаковыми медальками, послушно голосовавших, называли «буренки в одинаковых костюмах», пошитых в одном ателье. Что было несправедливо, потому что эти женщины делали подчас много хорошего. Тем не менее, общественное мнение было таким. Соответственно, альтернативой виделся гламурный образ сексуализированной женщины.

Когда началась перестройка, я работала в другом, тоже популярном издании, журнале «Огонек», который был флагманом перестройки. Лучшие журналисты страны печатались в «Огоньке». Но когда я стала писать про женскую безработицу и про другие проблемы, связанные с женщинами, на меня начали смотреть как на очень странную журналистку... Все были уверены, что феминизмом интересуются только уродливые женщины, неудачницы в личной жизни и даже опасные для общества персонажи. Считалось, что нормальный человек не может этим интересоваться.

Но все-таки «Огонек» начал печатать материалы на женскую тему. Хотя главный редактор, Виталий Коротич, который печатал обо всем на свете, полгода не мог пропустить в журнал материал по теме домашнего насилия. Потому что считалось, что такой темы просто нет. Что только маргиналы - алкоголики, какие-то звероподобные люди – сталкиваются с этой проблемой. Так продолжалось до тех пор, пока не была опубликована статистика, что в 1992 году, по данным УВД, 14 тысяч женщин погибли, в основном, от рук своих близких мужчин - примерно столько же, сколько солдат погибло за годы войны в Афганистане (1979—1989 гг.).

Тем не менее, за прошедшие три с лишним десятилетия, домашнее насилие стало темой, о которой знают. И понимают, что речь идет о преступлении, что надо заниматься продвижением законов, противодействующих домашнему насилию.

Этот пример показывает, что можно повлиять на общественное сознание и что в данном случае это результат работы и женских организаций, и шелтеров, и журналистов, и сценаристов, и т. д. Иначе говоря, *движение в направлении здравого смысла и справедливости не пропадает даром. Как сказала Ирина Юкина, за прошедшие годы сделана огромная работа, но ее надо оценить и осмыслить.*

Молодым людям сегодня проще, чем нам тридцать лет назад – у молодых есть возможность опереться на опыт предшественников и идти дальше. Молодые значительно свободнее, активнее, и теперь, как показывает, например, мой опыт преподавания на факультете журналистики, *в гендерную тематику включились не только девушки, но и юноши. Они иногда даже больше, чем девушки, заинтересованы проблемой и практикой равноправия. Это, безусловно, большой шаг вперед.*

И.И. Юкина. Я солидарна с теми, кто говорил, что не обязательно всем объединяться. Есть большое количество разных социальных групп со своими проблемами, которые так или иначе пересекаются с гендерными вопросами. Объединение здесь невозможно, да и не нужно.

Жизнь быстро меняется. Социальные, политические, экономические ситуации меняются. Естественно, появляются новые проблемы и новые решения. Как всегда, происходит пестрое, броуновское движение.

Главное для нас – не потерять направление.

Дискуссия

«Сейчас обозначился кризис в восприятии советской гендерной системы».

А.А. Темкина (независимая исследовательница, Санкт - Петербург)

Хочу оттолкнуться от некоторых размышлений Ирины Юкиной о том, что все ложится на определенную почву и что есть определенный континуум,

продолжение преемственности. Тогда - что такое гендерная эмансипация советского времени? Как связаны с ней женское движение и феминизм?

В известном смысле, сейчас обозначился кризис в восприятии советской гендерной системы. С одной стороны, ее продолжают мыслить в традициях холодной войны - как провалившуюся гендерную революцию в том смысле как она задумывалась Александрой Коллонтай и самыми прогрессистскими деятельницами начала прошлого века. С другой стороны, есть позиция, что советская гендерная система - это расцвет эмансипации, определенно удавшейся, состоявшейся модернизации.

В свою очередь, мы (Елена Здравомыслова и я) пытаемся посмотреть на те процессы более выпукло - как на *некоторую комбинацию, которая приводит к незавершенной гендерной революции, но в самой этой комбинации, конечно, есть элементы гендерной революции. Это один тезис.*

Второй тезис: советским периодом занимается огромное количество социологических и политологических направлений. И теория модернизации, и теория общественных движений, которая оказалась у нас очень популярной и востребована в интерпретации женского движения.

Говоря о советском периоде 80-ых – самого начала 90ых, я обращусь к нескольким нашим исследованиям 90-х годов, чтобы по прошествии лет, посмотреть на них другими глазами. Во всех этих исследованиях я нахожу свидетельства то ли незавершенности, то ли сложной комбинации разных процессов.

В нашем исследовании 1996 года «Политическое участие женщин», которое поддержала в свое время Ольга Липовская⁴, был сделан вывод о том, что резко упала представленность женщин в политике.

Это был период, когда в Думу в Санкт-Петербурге прошла только одна женщина. Одновременно в 1993 году на основе женских организаций,

⁴ Ольга Липовская (1954 — 2021) — российская журналистка и переводчица, феминистка, одна из самых известных деятельниц российского женского движения.

существовавших в России, формируется политическое движение «Женщины России». Какие взгляды были у этих женщин? – *Я бы назвала их типично советскими. Это значит, что, с одной стороны, женщины эмансипированы, активны, субъектны, а с другой стороны, у них целый набор традиционалистских представлений о том, что женщина должна в политике делать, как она туда может попасть и в чем ее особенная роль в политике.*

Следующее исследование – «Солдатские матери». Его проводила Елена Здравомыслова, но были и другие авторы, которые занимались этой темой. Что мы видим в исследованиях этой темы? - Мы видим, конечно, существенные, сравнительно с советским временем, инновации, связанные – с правозащитой и с религиозностью. В то же время основа этой гражданской активности - материнство. Советская традиция здесь состоит в том, что женщина-мать может использовать свой материнский ресурс для борьбы за своих собственных детей.

Упомяну еще одно исследование, которое с 1991-го по 1995-й годы я делала вместе со своей аспиранткой - о политических возможностях феминистских движений в Петербурге. И тоже можно видеть: сначала радикальный центр – радикальные идеи, дистанция от всего советского, дистанция от государства, радикальные феминистские взгляды. Затем возникают кризисные центры, которые все меньше дистанцируются от государства, исповедуют менее радикальные взгляды - начинают взаимодействовать с государством и довольно сильно дерадикализируют свою (феминистскую) идеологию.

Могу с большим основанием предположить, что *во многих исследованиях можно выявить такое сочетание прогрессивизма, эмансипационных взглядов и одновременно традиционалистских представлений о взаимодействии с государством или об образцах мужественности и женственности.* Таким образом, складываются

общественные движения, которое либо «более-менее» признают феминистскую повестку, либо «необязательно» ее признают.

Недавно, в 2024 году, была опубликована статья четырех авторов (Татьяны Новицкой, Лизы Сандерсторм, Валери Сперлинг и Джанет Джонсон), в которой они анализируют гендерные государственные дискурсы в России и обнаруживают, конечно, консервативные взгляды, но и очень советские взгляды. *Что такое «советское» – это отдельный вопрос, но советские взгляды включают равноправие и участие женщин как нечто само собой разумеющееся.*

В результате такого беглого взгляда на исследования 90-х годов оказывается, что советская традиция довольно устойчива. То есть сохраняется континуум при всех изменениях, которые, безусловно, происходят.

А почему традиция? Это мой последний тезис.

Понятно, что сейчас очень сильна идеология традиционализма. И все-таки в значительной степени, это «изобретение» советской традиции. А в ней содержится очень большой эмансипационный компонент, который уже в 90-ые годы воспроизводился вместе с традиционалистским компонентом во многих общественных движениях, кроме самых радикальных, самых феминистских, но именно они оказались не самыми устойчивыми.

Закончу вопросом, который мог бы задать тему для размышления и обсуждения: как мыслится гендерная эмансипация советского времени с позиции сегодняшнего дня, но с учетом преемственности и тех изменений, которые произошли в постсоветский период не в последнюю очередь благодаря деятельности женских движений и феминистских организаций?

«Когда мы говорим о феминистских активностях в России, надо, прежде всего, учитывать изменяющуюся структуру политических возможностей».

Е.А. Здравомыслова (Европейский университет в Санкт-Петербурге).

Мое выступление - реакция на книгу Ирины Юкиной об истории российского женского движения и на ее сегодняшнее выступление. Поскольку у нас сегодня отличный клубный климат, чувствую себя очень свободно.

Первое, о чем мне хочется сказать, - то, как *ценна методология ретроспективного взгляда*. Мы оборачиваемся назад, а молодое поколение смотрит в прошлое, идет переосмысление того, что мы сделали. Без этого ретроспективного взгляда любые шаги вперед затруднительны, и даже чувствуешь себя как бы напрасно жившим и делающим что-то. Я имею в виду не физическую жизнь, а производство знаний.

Почему я хочу сейчас донести до нас такую методологическую линию? Я нахожусь под впечатлением статьи индийской феминистки Сужаты Пател, которая принадлежит к поколению тех, кто родился в 50-ых и 60-ых годах. Ее статью я только что перевела для журнала Международной социологической ассоциации (ISA) «Глобальный диалог». Пател пишет о том же самом, о чем мы сейчас говорим. Только она пишет с большой горечью – о том, что многое из того, что было, - не признано и не названо. Что были инициативы и движения, которые забыты. Что работа предыдущего поколения зачеркнута: исследовательницы ее поколения осваивали западные теории, а потом эти теории, так сказать, деконструировали, обращаясь к историческому опыту своего субконтинента, своей страны, и перешли к интерсекциональности, к локальным вызовам и инициативам, которые не назывались феминистскими. Она говорит о том, что достигнутое старшим поколением исследовательниц подавляли.

Это совсем другой, не российский, культурный контекст, но и мы сталкиваемся с тем же самым. Сужата Пател, пишет, что она была зачинательницей – феминистских гендерных исследований в индийской

социологии. И ее путь – от освоения западных методологий к междисциплинарности: она вынужденно становилась историком своего общества, чтобы посмотреть, насколько западные методологии могут быть перенесены в индийский контекст. А дальше - переход к интерсекциональности. Это значит, что нельзя говорить о «женщинах вообще», поскольку в Индии работает эта основная тройка форм социального опыта: каста, религия и гендер -пол. И есть еще дополнительные факторы, связанные с особенностями регулирования отношений женщин и мужчин в индийском обществе.

Возвращаясь к нашему ретроспективному подходу, подчеркну: особенно ценно, когда молодое поколение, вникая в него, говорит: у вас же нет общего женского опыта. Когда сегодня Анна (Гордеева- Адамчук) говорила о недостаточности солидарности, о том, что, когда нет общей повестки, о не о чем договариваться, - я вспомнила Джудит Батлер с ее перформативной теорией гендера: вот она, гендерная проблема - нет одинаковых женщин, но есть перформанс, с которым мы работаем.

Поэтому первый вывод – мы должны продолжать.

Второе мое рассуждение порождено книгой Ирины Юкиной, предыдущее издание которой я в свое время читала (новую версию мне еще не удалось прочитать). Все, о чем говорится в книге, очень важно в контексте структуры политических возможностей, политических режимов и реформаторских волн, в рамках которых развивалось российское женское движение. Так, оно было очень сильным в эпоху александровских реформ – именно тогда появляется женский вопрос. А потом - суфражистское движение, подготовка революции 1905 года и т.д. Думаю, это очень важные контексты для понимания успехов и неудач движения.

Но наступает другое время: женские инициативы не исчезают, хотя они становятся менее заметными. Замечу, что слово «общественное движение», понимаемое как активное коллективное действие, марши, демонстрации не

всегда применимо к женской активности и феминистским инициативам. Но если мы расширим термин «общественные движения», то он к ним вполне применим.

Когда мы говорим о феминистских активностях в России, надо, прежде всего, учитывать изменяющуюся структуру политических возможностей, которая, например, сейчас неблагоприятна для открытых форм активизма, для массовости, публичной поддержки инициатив и даже для гендерного просвещения. В структуре политических возможностей есть когнитивный, а не только политический или идеологический момент. Раньше мы читали лекции по гендеру, а теперь мы читаем их друг другу. Следовательно, надо искать новые форматы.

Что же касается феминистских инициатив, то, по сути дела, им нет места. В то же время исследование современного российского феминизма, которое несколько лет назад проводила в Европейском университете в Санкт-Петербурге аспирантка – социолог из Финляндии, показывает более сложную и нюансированную картину.

Мы с Анной Темкиной должны были проконсультировать ее, в основном, методологически. И я довольно скептически высказалась по поводу возможности написать диссертацию на такую тему. Аспирантка, в целом, согласилась, но все-таки стала проводить исследование. Она собрала данные (в Питере и много где еще) и написала книгу. Я была рецензентом этой замечательной книги, которая называется «Феминистские политики в России после 2010-2015-х годов». Это, конечно, неточное название. Слово «политика» понимается здесь расширенно, не в прямом смысле (как открытые политических организации), а в смысле существования некоторых инициатив, активностей. То есть политика рассматривается как широкий термин, в философском смысле.

В книге финской исследовательницы речь идет о том, что, конечно, общий контекст неблагоприятен для феминистских инициатив, но все же они

существуют. И надо сказать, их современные характеристики очень близки форматам российского женского движения (за исключением суффражизма, конечно), о котором писала Ирина Юкина на материале нашей дореволюционной истории - движения, которое пробивалось в крайне неблагоприятной политической атмосфере автократии - российского самодержавия.

На материале работы финской исследовательницы можно выделить четыре измерения современной феминистской активности.

Во-первых, *реактивная политика, которая бросает вызов стереотипам и визуализирует альтернативы*. Есть примеры – противодействие домашнему насилию и создание убежищ (шелтеров). Это даже не создание кризисных центров, а организация автономных, самостоятельных пространств, где можно чувствовать себя в безопасности, занимаясь этой тематикой и этими проблемами.

Во-вторых, *политика экспертизы* – то, что особенно понятно исследователям, журналистам и т.д. - производство знания по поводу неравенства, дискриминации, разнообразных форм вытеснения и несправедливости.

В-третьих, то, что по-английски называется *politics of appearing, или «политика явленности»*. Этот термин восходит к Ханне Арендт, потом его использует Джудит Батлер: речь идет о публичности, о том, чтобы тебя видели. Но в условиях ограниченных политических возможностей политика явленности, главным образом, осуществляется в виртуальном пространстве и в виде проектной формы: инициативы носят сетевой характер, не регистрируются; много усилий прилагается для того, чтобы создать безопасную среду и не обозначать себя в качестве оппозиции.

В - четвертых, *значительная часть феминистского содержания переходит не в сферу, например, деятельности политических партий, а в сферу культуры, как массовой, так и высокой культуры*.

Можно сказать, что в перечисленных формах активности осуществляется историческая преемственность деятельности женского и феминистского движения. При ее не очень высокой явленности результативность этой деятельности есть. Она, может быть, непрямая, но мы видим, что молодое поколение продвинулось по сравнению с предшественниками и что у него есть чему поучиться.

«История женской литературы еще не написана»

М.В. Михайлова (МГУ имени М.В. Ломоносова). Подхватываю высказанную Еленой Здравомысловой мысль о перенесении феминистского содержания в сферу культуры,. С этим процессом, который развивается в последнее время, я соприкасаюсь непосредственно, по роду своей профессии, связанной с литературоведением и образованием.

В Московском государственном университете, где я преподаю, мне удалось за последние тридцать лет осуществить проекты, которые можно даже назвать прорывными. В течение десяти лет я читаю курс гендерной проблематики в литературе. Это курс не только для студентов филологического факультета, но и для магистров и он вызывает у слушателей огромный интерес. Причем за последние годы интерес не только не ослаб, а усилился. В 90-е годы он был вызван новизной тем «женская литература», «женщины в литературе» и т.д. А сейчас курс называется «Гендерная проблематика», и слушатели хотят понять, что это такое. Потому слово «гендер» реже звучит в публичной сфере, не то, что оно обозначает, всем интересно. Мне кажется, что преподавание моего гендерного курса идет удачно. Мы обсуждали, оставлять ли слово «гендерный» в его названии, и решили пока ничего не менять.

За последние десять лет под моим руководством защищено несколько диссертаций на эту тему. Первая такая диссертация была защищена моей

аспиранткой, Татьяной Ровенской, которой в 2000 г я дала тему «Женская литература 90-х гг.» Это был прорыв для того времени.

Уже защищено несколько диссертаций про писательниц, которые предлагали собственную феминистскую программу. И во всех этих диссертациях такие программы анализируются. При этом мне как преподавательнице очень не хватает источников, в которых политические и общественные движения, предположим, XX века прикреплялось бы текстами женщин, как участниц, так и исследовательниц этих движений.

Несомненно, есть много интереснейших, но не известных нам текстов, которые сегодня имеет смысл опубликовать. Я принесла книгу, которую мы сделали вместе с моей китайской ученицей. Это книга о Евдокии Нагродской (1866—1930), русской писательнице и поэтессе, авторе бестселлера Серебряного века, романа «Гнев Диониса». У Нагродской была очень интересная позиция в вопросе женской эмансипации: она очень четко осознала опасность радикального феминизма, который сосредотачивается на чисто внешних проявлениях, внешних формах женской свободы. Поскольку Нагродская обладала несомненным чувством юмора, она едко высмеяла женщин, особенно буржуазных дамочек, которые очень начали «просвещать» проституток, объясняя им, что их занятие прекрасно, потому что так они мстят мужчинам...

Хочу особо выделить еще один момент. Хотя в сфере образования по гендерной тематике есть наработки и успехи, *не создана история женской литературы*. Есть история европейской литературы и конечно, российской литературы, но раздела о женской литературе в ней нет. Это печальный факт.

В Институте мировой литературы, где я тоже работаю, ведутся работы по грантам. Я сама руководила грантом, который только что закончился, - он назывался «Женщина – автор». На эту тему мы собирали конференции, издавали сборники и т.д. Институт мировой литературы, государственное

учреждение с традициями, пока еще сохраняет и оберегает это пространство творчества и исследований. Но мы не знаем, сколько это еще продлится...

В заключение скажу, что у меня все-таки оптимистичный взгляд на женское движение, включающее активизм, исследование, творчество, – считаю, что тридцать лет не прошли для него даром.

Н.И. Ажгихина. Идея сборника по истории отечественной женской литературе, предложенная Марией (Михайловой) совершенно великолепная! Мне кажется, мы можем взять ее на заметку и попробовать реализовать. Это то, о чем говорила Ариадна Тыркова больше ста лет назад, - что женское движение и феминизм в России не состоятся, если не будет художественного нарратива, равноценного мужскому нарративу.

«Мы должны выстраивать свою историю, понимая, что мы только звено в цепи тех, кто был до нас и будет после нас»

Л.В. Штылева (педагог, активистка женского движения).

Для меня это не закрытый гештальт – женское движение 90-х годов и его результаты. Как практик, участница движения, я выскажу свое личное мнение. Оно в чем-то совпадает с тем, что сегодня уже прозвучало. В чем-то - я думаю иначе. Это не научные обобщения, а выводы из моего опыта.

Вчера я читала книгу Ирины Юкиной, и у меня было ощущение узнавания. В книге я нашла подсказки и ответы на вопросы, которые меня мучили. Я писала об этом в своих статьях, начиная с 92-го года, освещая нашу работу в Мурманской области, работу Конгресса женщин Кольского полуострова, - и заканчивая 2004 годом, когда я попыталась установить соответствие и связь между тем, как действовали мы, и работой канадских женских организаций. которая была мне знакома, очень похожа на нашу работу, но имела совершенно другой результат. Я искала ответ на вопросы:

что не так, почему нам так мало удалось при такой огромной затрате сил, энергии, времени, человеческих ресурсов...

Я считаю, что незнание истории или, замалчивание истории, (не мы писали учебники, не мы диктовали политикам, о чем говорить или не говорить в истории женского движения), - чревато тяжелыми последствиями для женского движения. В результате мы тормозим в именно тот момент, когда можем сделать многое и можем развиваться.

Соглашусь с тем, что каждый раз – так получается, - мы начинаем все сначала. Когда я читала в книге Ирины про первый этап истории женского движения, то сразу обратила внимание на совпадения с тем, что мы делали в 90-е годы в Мурманской области. То есть у нас было ползучее - методом практики, проб и ошибок, - развитие движения. Мы не знали нашей истории, и поэтому тратили массу сил на поиск методов и форм работы, которые уже были опробованы в российском женским движением в его давней истории. .

Если бы мы знали тогда историю женского движения так подробно, как Ирина ее описала и проанализировала, мы бы прошли этот путь быстрее и шли более целенаправленно.

Считаю, что и сегодня с сохранением истории женского движения дела обстоят не очень хорошо. Очень здорово, что Ирина Юкина проанализировала такой большой кусок истории и даже задела советскую эпоху. Но на сегодня это самый безболезненный, безопасный кусок истории, который можно анализировать...

Очень важно проанализировать, осмыслить вторую волну женского движения 1990 х -2000-х. Судя по содержанию и характеристике периодов, в 90-ые мы сначала повторили первый этап женского движения. Но в отличие от наших предшественниц мы с большим трудом осознавали несоответствие своего положения тем возможностям и правам, которые мы по идее должны были иметь. На мой взгляд, это было связано с советским мифом о равноправии. Это нам сильно мешало. Нам было трудно произносить,

физически трудно произносить слово «дискриминация». Потому что все этому сопротивлялось.

Нам было примерно 40 лет, когда мы ввязались в женское движение, начали свою работу. Мы были сформировавшимися личностями. Всю свою сознательную жизнь мы прожили в убеждении, что у нас женщины и мужчины равны, что у нас осуществилось равноправие. При том, что реальная советская практика двойной-тройной занятости женщин этому противоречила.

Мы жили в этой среде. Мы ощущали ее несправедливость, ее тяжесть. Но мы никак не могли выйти на выводы, обобщения, которые дали нам в 90-ые гендерный подход и гендерные исследования. Но даже когда они стали нам доступны благодаря работам Анны Темкиной, Ольги и Елены Здравомысловых, массы других исследователей, гендерным центрам в Москве, Питере и т.д., это все равно было очень непросто, учитывая, что среди нас не было деятельниц женского движения, для которых это стало профессией. Мы все работали, у всех были семьи, у всех были проблемы. И, конечно, это было очень тяжело и очень трудно. И это нас очень сильно тормозило.

Я думаю, что новому поколению, в адрес которого сегодня было высказано много комплиментарных посылов, в этом смысле может быть легче. Но я бы не спешила с такими выводами. Потому что силу стереотипов, силу влияния культурной среды еще никто не отменял. И зачастую, то, что говорится в студенческих аудиториях, в каких-то компаниях - это одно, а то, с чем будут сталкиваться девушка и юноша, делая свой выбор и решая вопрос, как поступать, - это другое.

В повестке нашего сегодняшнего разговора есть вопрос: есть ли преемственность ?. Я согласна, скорее, с точкой зрения Анны Темкиной, хотя она ее высказала в качестве вопроса, что проблема преемственности – реальная проблема. У нас не преемственность, а разорванные этапы с

перерывами. И в отсутствии постоянного информационного поля, которое бы информировало, поддерживало и т.д., эти разрывы очень существенны. Потому что они каждый раз тормозят развитие на новом этапе.

Обратите внимание, что в книге Ирины Юкиной проанализировано, примерно, 70 лет истории российского женского движения. В какой-то форме велась тогда работа преемственности между первой волной и второй волнами движения.

И.И. Юкина. И первой советской волной женского движения тоже, кстати...

Л.В. Штылева. Насчет преемственности с советской волной женского движения я бы еще поспорила...

Вторая волна российского женского движения – двадцать лет в самом лучшем варианте - то есть с начала 90-х и по 2010-й год. А дальше все потихоньку стало умирать. Было мало времени - может быть, в этом причина, что удалось меньше, чем нашим предшественницам до революции.

Посудите сами. Право на образование, право на профессию, социальная защита, право на аборты - это все заслуги тех, кто был до нас, той, дореволюционной, волны. Самое большое наше завоевание – это вывод на уровень социальной видимости тем и проблем, которые замалчивались. Это домашнее насилие, торговля женщинами, то есть проституция. И, пожалуй, на этом все. Создание шелтеров - привнесено с Запада и сейчас потихоньку тихо умирает.

Ирина (Юкина) сделала в книге акцент на внутренних ресурсах движения – это лидеры, идеология, социальная база, организации, коллективные действия, - каждый из этих вопросов требует отдельного внимания. Для меня непонятно, например, почему при такой высокой волне активности, при таком большом количестве ярких, образованных женщин, которые участвовали в женском движении в 90-е годы, не возникло своей Розы Люксембург или Клары Цеткин. С чем это связано? Что мы делали не

так? Что нужно сделать иначе, чтобы женское движение действительно было общественной силой?

Очень важно, чтобы был постоянный центр, постоянный источник, пульсар. Мария Михайлова очень хорошо показала, как она это делает. И у меня есть коллеги, которые продолжают работать в университетах. Мы пишем учебники, мы привлекаем студентов, и реально студентам это очень интересно. Потому что это про жизнь. Потому что это про возможности. Потому что это - про тебя.

Все мы, строго говоря, находимся в сети, то есть мы поддерживаем отношения, знаем друг друга, читаем публикации друг друга. Давайте как-то с этим делом справляться. Так что при всех плюсах-минусах надо идти вперед.

Что касается наших последовательниц, меня огорчает, что и в этот раз все начинается сначала. Киберфеминистки, которые сейчас, пожалуй, не то, что сильное (я бы не делала таких заключений), но то особенное, что появилось, - те новые женщины, которые работают в этом поле, тоже делают вид, что до них ничего и никого не было. Для меня это очень странно...

Мы должны выстраивать свою историю, понимая, что мы только звено в цепи тех, кто был до нас и будет после нас.

«Практическая работа с женщинами расширяет поле женского движения и вызывает интерес к феминизму».

Софья Русова (журналистка)

Последние шесть лет своей жизни я занимаюсь помощью женщинам, пострадавшим от домашнего насилия. Но уже раньше, работая в одной из политических партий, я поняла главное – нельзя притеснять, унижать женщин. Надо признать, что и в повседневности, и в политике можно столкнуться с таким уродливым явлением как мизогиния.

В продолжение сегодняшней дискуссии хотела бы сказать, что действительно, есть разрыв между нынешним и предыдущим поколением активисток, участниц женского движения. Но мы ищем и находим информацию, стараемся использовать прошлый и нынешний опыт.

Что касается работы с теми, кто пережил домашнее насилие, могу сказать, что к нам приходят разные женщины. И кто-то из них впоследствии становится ближе к феминизму – это те, кто, кто задумывается о природе власти и способах контроля, кто хочет не только разобраться в причинах конкретного бытового конфликта, который привел к насилию, а понять глубинные причины гендерного насилия в повседневной жизни.

В последние годы эта тема звучит тревожно – непосредственно, это связано с тем, что во время пандемии ковида было много случаев домашнего насилия, даже убийств. Предвижу, что будет, к сожалению, еще одна волна после того, как закончится СВО. Уже сейчас мы видим рост обращений от женщин.

Мне кажется, что практическая работа с женщинами, в том числе через их личный травматический опыт, расширяет поле женского движения и вызывает интерес к феминизму. Однако сейчас это происходит в других формах, чем раньше, но рано или поздно вернуться общественные кампании. В заключение скажу, что все-таки надо всегда начинать с себя – вне зависимости от своего отношения к феминизму, прежде всего надо задавать себе вопрос: что ты сделал(а) в своем ближнем круге, чтобы насилия и гендерной дискриминации становилось меньше.

Комментарий Ольги Радаевой.

Сегодняшний Круглый стол натолкнул на мысль, что у нас в принципе нет данных, сколько людей в Российской Федерации поддерживает идею защиты прав женщин, а сколько не поддерживает. Понимаю, конечно, что

надежной статистики быть не может. Но приведу только один факт, который может прояснить отношение общества к этой проблеме .

Несколько лет назад мы (партия «Яблоко», подключилась и «Новая газета») помогали [Центру «Сестры»](#), который борется со всеми видами насилия и помогает жертвам насилия вне зависимости от гендера – мужчинам, женщинам, детям, родственникам. Этот благотворительный Центр правительство Москвы пыталось выселить из его помещения. Мы стали собирать подписи в поддержку Центра и получили живой отклик общества. За две недели мы собрали 40 тысяч подписей граждан . Это много, это беспрецедентно для Центра, который, в общем-то, известен, главным образом, в Москве, и известен специалистам в регионах, потому что Центр распространял по России свою методику помощи жертвам насилия.

Я считаю, это показатель того, что общество готово обсуждать проблему, считает ее актуальной и значимой. Поэтому скажу: нет прерывания истории женского движения, преемственности. Просто проблемы уходят на другой уровень, уходят вглубь общественного сознания, изменяет его и изменяет поведение людей.

О.М. Здравомыслова. Сейчас пришло *сообщение от Светланы Рузлевой из Твери*, которая не смогла включиться онлайн в дискуссию по техническим причинам. Светлана пишет: «Спасибо за приглашение. Еще будет возможность высказаться. Хочу поблагодарить Ирину Юкину за интересную и важную работу. Помимо того, что мы, журналисты, получили хорошую базу, у нас появилась еще одна возможность использовать информацию для публикаций в качестве компаса. Удачи всем».

«Женщины – меценаты наверняка не говорят о себе как о феминистках. Они владеют выставочными площадками и фондами, где создаются выставки современного российского искусства»

Янина Жилиева (журналистка, редактор отдела культуры журнала «Форбс»)

Я буду говорить не о феминистках, а о дамах-благотворительницах, которые продолжают сейчас дореволюционную традицию женской благотворительности в России - пожалуй, первое имя, которое вспоминается в этой связи [княгиня Мария Тенишева](#)

В последний раз, когда я имела честь выступать здесь, в Клубе Раисы Максимовны Горбачевой, [я рассказывала о влиянии и Раисы Максимовны, и Михаила Сергеевича на то, что в 88-м году аукционный Дом Sotheby's провел первые и единственные на территории нашей стране торги, где были установлены рекорды цен на художников-нонконформистов и художников-авангардистов.](#)

С 1988 года с советским и постсоветским искусством не произошло на мировом рынке ровным счетом ничего. И принято в этом обвинять в первую очередь российских богатых коллекционеров современного искусства, которые отказались продвигать русское искусство, советское искусство в международном пространстве.

Я знаю только три случая, когда на деньги нынешних российских олигархов – участников списка Форбс были предприняты попытки продвижения русского современного искусства за границей. Это была попытка создать коллекцию советского искусства в Лувре в 2013 году, а Лувр соглашался принять эту коллекцию, - но дарение не последовало. Один из инициаторов – бизнесмен Андрей Филатов – позднее показал свою коллекцию художников русского стиля и передвижников в своем замке на юге Шотландии. Но понятно, что это слишком камерный, локальный проект для того чтобы оказать большое влияние на процесс продвижения современного русского искусства за границей.

И, наконец, надо упомянуть дарение 2016 года, когда более сорока художников, их потомков и коллекционеров объединились, для того чтобы преподнести около трехсот произведений современного искусства, датированного 1950-ми – 2000-ми годами, в дар Фонду Центра Помпиду во Франции. Несколько лет назад я побывала в залах Центра Помпиду. От наших дарений там не осталось ровным счетом ничего. А директор Фонда Центра Помпиду ответил на мой запрос как на запрос журналиста русского Форбс, сказав, что сейчас не то время, чтобы показывать эту коллекцию... Однако работы ушли в запасник. И, как он (директор Центра Помпиду) предполагает, спустя энное количество лет, - настоящее искусство, как мы знаем, не стареет и не самоуничтожается, - возможно, они когда-нибудь снова появятся в залах Центра Помпиду...

Для сегодняшнего выступления я выбрала примеры благотворительности нескольких богатых женщин, живущих в Москве, наших современниц, дам – патронесс искусства. Должна сказать, что объем патронированного искусства эквивалентен тому, сколько таких дам у нас есть сейчас. Потому что главное, лучшее, что ты можешь сделать для современного, ныне живущего художника, - это купить его работу.

В списках галерей в коммерческих базах около тысячи коллекционеров и покупателей. Практически это всегда страшный секрет и главная коммерческая тайна галереи, но тем не менее это всегда одни и те же имена. Среди тех, кто из них жертвует на произведения искусства и помогает крупным государственным музеям - около ста человек. Они входят в Попечительские советы. Сегодня у нас ряд частных и государственных, включая Пушкинский музей и Третьяковскую галерею, музеев имеют такие Попечительские советы. Но только шестеро таких дам – патронесс имеют свои собственные Фонды и выставочные площадки. Они никак не цензурируются государством, они имеют право показывать современное искусство в том виде, в котором они себе его представляют и позволяют.

Должна заметить как журналистка, пишущая о культуре, что в последние два года произошло событие, которое не скрывается, но и специально не анонсируется: закупка произведений современного искусства в государственные музеи прекращена. То есть мы вернулись к той же ситуации начала 90-х годов, когда у музеев физически не было никакого бюджета на это. Сейчас Министерство культуры не одобряет закупку произведений искусства. Поэтому, если вы хотите увидеть подлинные работы ныне живущих современных художников, вы можете увидеть их только на частных площадках на территории города Москвы.

Сейчас я представлю вам этих женщин - меценатов. Они наверняка не говорят о себе как о феминистках. Как правило, это богатые жены богатых мужей. Кто-то из них занимается бизнесом вместе со своими мужьями, кто-то не занимается бизнесом. Но с начала 2000-х годов они владеют своими выставочными площадками и Фондами, где создаются выставки с кураторами, которые они считают необходимыми.

Первая моя героиня – это [Екатерина Семенихина, которая вместе с мужем Владимиром Семенихиным. – владелица компании «Стройтэкс».](#) Екатерина Семенихина – правнучка [А.Н. Косыгина](#), в 2002 году открыла Фонд культуры «Екатерина». Он начинался не совсем с современного искусства, с авангарда. Сначала открыли большую ретроспективу [художников «Бубнового валета»](#) и провезли ее по всей Европе, особенно долго ее показывали во Франции и Монако. За это Екатерина и Владимир Семенихины получили ордена Почетного Легиона. А после этого они открыли свою выставочную площадку в Москве, на Лубянке. В частности, на их деньги в 2006 году была проведена большая ретроспектива работ [художника Эрика Булатова, живущего во Франции.](#)

Осенью 2024 года Семенихины приняли решение перезапустить свой Фонд. Среди работ, которые были на последних выставках Фонда, есть, например, работы [санкт-петербургской художницы Ольги Тобрелутс](#), ныне

живущей в Словакии. Особенность творчества Ольги заключается в том, что она соединяет культурные коды академического искусства и экспериментирует с современными новыми медиа. Ее работы получают объемы, особый цвет. Это живопись с элементами новых медиа. [Или работа Mona Mouse Андрея Помулева](#). Это экспериментирование с культурными кодами: можно найти общее между Микки Маусом, Чебурашкой и нашей Неваляшкой.

Другой Фонд современного искусства основан [Софьей и Романом Троценко – бизнесменами](#). Он называется «Винзавод» на территории бывшего пивного комбината «Московская Бавария», на руинах за Курским вокзалом. Супруги Троценко создали Фонд в 2007 году. Тогда на выставке «Открытие» куратор показал 57 современных художников, собрав абсолютно все те имена, которые он знал на тот момент в искусстве. Сейчас в базе данных «Винзавода» 3 тысячи имен. В Фонде работают такие программы, как «Открытые студии»: 10 художникам-резидентам дают минимальные гранты, и художники могут создавать свои произведения. Благодаря этому художникам есть где работать, у них есть крыша над головой, пространство и возможность купить материалы.

Прошлым летом «Винзавод», понимая происходящую ситуацию, запустил отдельную, особенную программу, которая называется «Винзавод Гравитация», где Фонд показывает произведения молодых современных художников. Первую такую выставку курировала знаменитая московская куратор-галеристка Елена Селина. [Название выставки «А чего ты боишься?»](#) - 30 молодых современных художников рассказывали о том, какие страхи они испытывают сегодня. На выставке была, например, работа [Варвары Гранковой](#) – дочери и внучки священника, которая создала работу, посвященную своим личным страхам, используя семейную епитрахиль.

[Стелла Кесаева](#) – жена бизнесмена Игоря Кесаева, весьма известного в 90-е годы. Жила вместе с ним в Швейцарии и увидела много современного

искусства. Ее первой попыткой было создание коммерческой галереи в России. Однако очень быстро она поняла, что деньги, которые она может заработать на современном искусстве, несерьезные. В то же время российская аудитория совершенно оторвана от современного художественного процесса на Западе – и Кесаева сначала создала зал в Москве, в Скарятинском переулке. Сейчас она переехала со своим Центром, Фондом в Башню Меркурий в Сити. Она первой(в 2003 г.) показала [работы Роберта Мэплторпа – провокационного фотографа](#). На ее [выставке «Открытие» были работы Баския, Энди Уорхола и Тома Вессельмана](#). Благодаря меценатскому участию Стеллы Кесаевой [в Россию после эмиграции в 2004 году приехал Илья Кабаков](#) - Кесаева оплатила его выставку.

А главная заслуга Стеллы Юрьевны Кесаевой перед российским искусством заключается в том, что, когда в 90-е годы Министерство культуры не могло выделять деньги на организацию выставок русского искусства в павильоне России на биеннале в Венеции, Стелла Кесаева выбрала несколько иностранных кураторов, с которыми она уже показывала русских художников за рубежом. (Стелла Кесаева очень любит московский концептуализм всегда его продвигала, покупала и показывала на свои собственные деньги).

В дальнейшем Кесаева устроила три выставки, одна из которых поистине замечательная. Это выставка 2013 года в Российском павильоне в Венеции, где огромный успех имел [проект «Даная». Автор – Вадим Захаров](#). Нам не дали «Золотого льва» (главную награду биеннале в Венеции), но дали специальный приз и упоминание жюри. До сих пор по общему мнению это лучший проект, который Россия показала на венецианской биеннале. (Если, конечно, не считать, Бориса Кустодиева до революции, работы которого показывал Сергей Дягилев).

Стелла Кесаева много лет покупает в свою коллекцию работы нашего выдающегося [художника Бориса Матросова](#) , заказывает работы для своей выставки [замечательной московской рисовальщице, художнице Нины Котел](#).

Еще одна удивительная женщина, тоже жена богатого мужа, [Марианна Сардарова](#) сочетает в своей деятельности [работу галеристки, потому что у нее есть одноименный и Фонд, и галерея](#). Сейчас, уже почти год, с большим успехом здесь идет выставка, посвященная тому, что такое кич в искусстве.

Единственная в нашем списке дам-патронесс, у которой нет богатого мужа [Наталья Опалева](#). Она выпускница экономфака МГУ, владелица золотодобывающей компании, акционер Ланта-Банка. Ее вовлечение в искусство было совершенно классическим. Но однажды на ярмарке «АРТ Москва» она пришла и купила работу [Анатолия Зверева](#). Затем постепенно она купила такой корпус работ Анатолия Зверева, что уже потребовался музей. Когда она открыла музей, она поняла, что нельзя показывать одного Анатолия Зверева. У него были замечательные современники. Музей стал показывать весь комплекс работ художников-нонконформистов. Потом она поняла, что нет смысла поддерживать и работать с наследием ушедших художников, когда есть столько молодых и живых. И [она открыла выставочное пространство «Азарт»](#).

Когда Опалева его открыла, она поняла, что современное искусство синтетично, и нужно показывать современных музыкантов, современных композиторов. Она оборудовала выставочное пространство специальными аудиосистемами, там проходят музыкальные концерты, краткосрочные выставки. Дальше она поняла, что нет журналистов, которые умеют писать об искусстве. Она основала художественную премию «Азарт» и выдает произведения за тексты. Потом она поняла, что у нас нет теории искусства, и она стала спонсором выхода книг в Музее искусствознания.

Знаю, что в том числе и на взнос Наталии Опалевой был открыт Музей Павла и Сергея Третьяковых за зданием Третьяковской галери на Крымском валу.

[Ирина Седых - единственная женщина, чье выставочное пространство располагается в городе Выксе Нижегородской области](#) - там, где ее муж миллиардер Анатолий Седых владеет трубопрокатным комбинатом (ОМК – Объединенная металлургическая компания).

С 2008 года Ирина Седых присоединилась к своему мужу в организации кампании по борьбе с подростковой наркоманией в городе, где в результате сложилась ужасная социальная ситуация. Сначала были попытки проведения спортивных соревнований. А потом вдруг Ирина Седых пригласила группу художников со всего мира, и они раскрасили и создали такие красочные муралы (граффити) на стенах хрущоб-пятиэтажек, которыми застроен город.

Социальный конфликт был огромный. Жители выходили с тряпками, забивали щитами эти работы, стирали их и т.д.

Следующий куратор фестиваля в Выксе была [группа архитекторов Wowhaus](#). Они сказали: давайте проведем опрос, спросим жителей: что они хотят. Люди ответили, что у них разрушены песочницы во дворе и нет веревок, для того чтобы натягивать бельё. Тогда архитекторы мирового уровня провели тендер, придумали дизайнерские штучки для веревок и для песочниц. Был только один принцип: мы вам строим, а вы хотя бы приходите, забирайте эти стандартные части, и вместе будем сколачивать. Таким образом, Выкса – по-моему, единственный город в мире, где стоят архитектурные деревянные конструкции в каждом дворе...

С 2008 года ситуация все-таки изменилась. И когда был разрушен мурал молодого художника, жители по собственному желанию вышли на субботник, чтобы его восстанавливать. Были найдены фотографии, изготовлены 3D-копии, и по кальке восстановили этот самый мурал. Потому

что оказалось, что это уже необходимо жителям города. Они гордятся тем фактом, что на стенах их домов такие муралы.

Все эти годы проходит художественный фестиваль. Сейчас семья Седых строит [в городе Выксе Музей металла](#).

Из-за своей любви к искусству семья Седых так прославилась, что подружилась с Эриком Булатовым. Он создал один из своих муралов на стене Выксунского завода. А Седых купили у него [работу «Черный вечер, белый снег»](#), которая постоянно экспонируется в Выксе.

Седых устраивают выставки, оплачивают производство работ, оплачивают приглашения художникам. В этом году они впервые после тридцати лет коллекционирования решили показать в Выксе свое собрание произведений современного искусства - будет четыре выставочных проекта.

В заключение скажу, что без поддержки этих женщин, имена которых я перечислила, панорама современного российского искусства была бы гораздо беднее.

(Аплодисменты)

Заключение

О.М. Здравомыслова. Наша последняя в этом сезоне встреча оказалась духоподъемной, оптимистической и насыщенной интеллектуальным содержанием. Большое спасибо всем за участие.

В заключение хочу добавить, что среди вопросов, которые были здесь затронуты, я бы выделила вопрос, заданный Любовью Штылевой: *в чем же заслуги той, второй, волны российского женского движения и феминизма, то есть волны 90-х – начала 2000-х годов?* Действительно это очень интересный вопрос. Так сразу на него не ответишь, но можно попробовать...

Во-первых, тогда не только открылись новые темы (о чем уже сказала Любовь Штылева), но *появился новый язык для анализа и публичного высказывания*.

Во-вторых, *появился российский/постсоветский феминизм*. В связи с тем, о чем говорила Ирина Юкина, у меня возник вопрос: можно ли говорить в полной мере о *русском феминизме как особом, оригинальном явлении?* Безусловно, российское женское движение было движением за равноправие и его осуществляли европейски образованные русские женщины. Но в силу исторических обстоятельств то движение было прервано и вместо него возникла идеология и практика советского равноправия. (Александра Коллонтай ближе к предыдущему этапу, она была российской «равноправкой» по убеждениям и особенностям своей личности.)

Как философия и социально - культурный феномен постсоветский вариант феминизма второй волны стал развиваться с конца 80-ых и в 90-е годы. На Западе вторая волна феминизма датируется появлением книги Симоны де Бовуар «Второй пол» (1949 год), тогда собственно, феминизм был высказан философским языком, который стал развиваться и который мы, в России, начали осваивать в конце 80-х и главным образом, в 90-е годы. Это можно считать новым направлением русской мысли в целом.

И, наконец, третье: начались интенсивные международные контакты российских исследовательниц и активисток. Возникло гендерное просвещение, основанное на заимствовании иного опыта, и проблема его критики. Она до конца не продумана, поскольку был только короткий промежуток времени, когда мы могли развиваться дальше и, возможно, в какой-то оригинальной версии.

Мне кажется, что это важные моменты нашего опыта, которые можно поставить себе в заслугу и от которых можно отталкиваться сейчас.

Н.И. Ажгихина. Может быть, мы после летнего перерыва мы посвятим одну из наших встреч обсуждению практики, итогов и уроков 90-х годов. И я еще раз поддерживаю оценку, которая была здесь неоднократно высказана: мы действительно плохо знаем свою историю женского движения и историю

русской мысли о «женском вопросе». Я согласна, что русский феминизм был своеобразным, он был в диалоге с западным феминизмом, но не копировал его.

У нас впереди море работы. Я с оптимизмом смотрю на наши общие усилия, их результаты. Уже предвижу, насколько интересными могут быть и публикации, и разговор. Давайте продолжать.